

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков

Рассказ написан в 1923 г.
На английский переведен Д. В. Набоковым.
На русском языке не публиковался.
Обратный перевод с англ. в 2011 г. Сакун С.В.

Табачная лавка Мартын Мартыныча располагалась в угловом доме. Не удивительно, что табачные имеют пристрастие к углам, ведь дело Мартына процветало. Витрина – скромного размера, но хорошо расположена. Небольшие зеркала оживляли её. На дне, во впадинах холмистого лазурного бархата ютились пёстрые папиросные коробки, с именами облечёнными в глянцевые международные диалекты, которые с таким же успехом служат названиями гостиниц; повыше располагались ряды папирос, ухмыляющиеся в их легковесных домиках.

В своё время Мартын был обеспеченным помещиком. Он был славен в моих детских воспоминаниях замечательным трактором, во времена, когда я и его сын Петя одновременно стали жертвами Майн Рида и скарлатины, так, что теперь, после пятнадцати лет битком набитых всяческими вещами, я с удовольствием останавливался у этой табачной лавки, на этом оживленном углу, где Мартын продавал свой товар.

Но с прошлого года нас связывало больше чем общие воспоминания. У Мартына была тайна, и я участвовал в этой тайне. “Ну, всё как обычно?” Спрашивал я шёпотом, и он, глянув поверх плеча, отвечал так же тихо, “да, слава богу, всё спокойно”. Эта тайна была совершенно необычайной. Я вспомнил, как уезжал в Париж и как за день до отъезда просидел до вечера у Мартына. Душу человека можно сравнить с универсальным магазином, а его глаза с двумя витринными окнами. Прицениваясь к глазам Мартына, отметим, что тёпло-коричневые тона были в моде. Судя по глазам, товар в этой душе был отменного качества. А какая пышная борода довольно поблёскивала здоровой русской сединой. А его плечи, его рост, его выражение лица. . . . Одно время даже говорили, что он мог разрубить платок мечём, – один из подвигов Ричарда Львиное Сердце. И теперь ещё всякий эмигрант мог бы сказать с завистью, “Этот не сдастся”. Его жена была пухлой, тихой пожилой женщиной с родинкой у левой ноздри. Со времён революционных испытаний её лица коснулся тик: она бросала быстрый взгляд искоса вверх, к небу. Петя имел такое же внушительное тело, как и его отец. Мне нравились его спокойные манеры, сумрачный и неожиданный юмор. У него было большое вялое лицо (о котором его отец говорил, “морда – в три дня не объедешь”) и красновато-коричневые, постоянно взъерошенные волосы. Пете принадлежал крошечный синематограф в скудно населённой части города, который приносил очень скромный доход. И там же жила вся семья.

Тот день перед отъездом я провёл сидя за прилавком, и наблюдая как Мартын обслуживал своих клиентов – сначала, опершись двумя пальцами на прилавок и слегка наклонившись, а затем, шагнув к полкам, представляя покупателю коробку с цветными завитушками, и спрашивал, открывая её ногтем большого пальца, “Einen Raucher?” – Этот день я запомнил по особой причине: неожиданно с улицы вошёл Петя, растрёпанный и нервно бледный, племянница Мартына окончательно решила вернуться к матери в Москву, и Петя только, что должен был встретиться с дипломатическим представителем. И пока один из представителей сообщал ему некоторые сведения, другой, который видимо, был связан с государственным политическим управлением (ГПУ), отчётливо шептал “Перевешать бы всю эту белогвардейскую сволочь”.

“Я мог бы сделать из него котлету”, сказал Петя, ударяя кулаком в ладонь, но к сожаленью я должен помнить о моей тёте в Москве”.

“Ты уже и так имеешь грешок-другой на своей совести”, добродушно проворчал Мартын. Он намекал на достаточно забавный случай. Не так давно, на свои именины, Петя посетил Советский книжный магазин, чьё присутствие пятнает одну из очаровательных улиц Берлина. Здесь продаются не только книги, но и различные безделушки ручной работы. Петя выбрал молот украшенный маками и расписанный обычными для большевистских молотков надписями. Клерк поинтересовался, не желает ли он ещё чего. “Да, пожалуй”, сказал Петя, кивнув в сторону гипсового бюста Мистера Ульянова. Он заплатил пятнадцать марок за бюст и молоток, после чего, не

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru говоря ни слова, прямо на прилавке, трахнул по этому бюсту молотком с такой силой, что Мистер Ульянов рассыпался на части.

Я любил эту историю, как любил, например, славные глупые поговорки из незабываемого детства, согревающие сердце. Слова Мартына заставили меня с улыбкой взглянуть на Петю. Но Петя сердито дернул плечом и нахмурился. Мартын порылся в ящике и предложил ему самую дорогую папиросу в магазине. Но даже это не рассеяло Петинной сумрачности.

Я возвратился в Берлин полгода спустя. Однажды, воскресным утром я почувствовал желание увидеть Мартына. В будний день вы могли пройти к нему через магазин, прямо за которым начиналась его квартира – три комнаты и кухня. Но воскресным утром магазин, конечно, не работал, и окно было закрыто огромным опускающимся козырьком. Скользя взглядом сквозь решётку по красным и золотым коробкам, по смуглым папиросам, по скромной надписи в углу: “Здесь говорят по-русски”, отметив, что витрина в некотором роде несколько оживилась, я прошёл через внутренний двор к жилищу Мартына. Странное дело – Мартын показался мне даже более беспечным и веселым, более лучащимся улыбкой, чем прежде. Но Петя был просто неузнаваем: его косматые масляные локоны были зачёсаны назад, широкая, непонятно робкая улыбка не покидала его губ, он хранил некий род пресыщенной тишины и удивительной, радостной любознательности, словно нёс внутри себя драгоценный груз, смягчавший всякое его движение. Только мать была бледна, как и прежде, и всё тот же тик пробегал по её лицу, подобно вспышке легкой летней молнии. Мы сидели в их опрятной комнате, и я знал, что две другие комнаты – Петина спальня и комната его родителей, – были так же удобны и чисты, и эта мысль была мне приятна. Я потягивал чай с лимоном, слушал медоточивые речи Мартына и не мог избавиться от впечатления, что что-то новое появилось в их квартире, нечто вроде восторженного мистического трепета, как случается в доме, где появляется молодая мать. Раз или два Мартын поглядывал с озабоченным вздохом на сына, после чего тот быстро вставал и выходил из комнаты, вернувшись, он осторожно кивал отцу, как будто говорил, что все хорошо. Было что-то новое, загадочное для меня и в разговоре старика. Мы говорили о Париже, о французах и неожиданно он спросил, “Скажи мне, дорогой друг, какая самая большая тюрьма в Париже?” Я ответил, что не знаю, и принялся говорить о французском театре, где выступали сине-окрашенные женщины. “Вы находите это занимательным?” Перебил Мартын. “Говорят, к примеру, что женщины счищают штукатурку с тюремных стен и добавляют её в порошок для лица, шеи или ещё чего”. В подтверждение своих слов он принёс из спальни толстый том немецкого криминалиста и открыл главу об установившейся практике тюремной жизни, Я пытался изменить предмет разговора, но какую бы тему я не выбрал, Мартын направлял её такими ловкими оборотами, что внезапно мы обнаруживали себя обсуждающими гуманность замены смертной казни пожизненным заключением, или изощрённые способы, придумываемые преступниками, чтобы вырваться на свободу.

Я был озадачен. Петя, любивший всё механическое, ковырял перочинным ножиком пружины своих часов и тихо хихикал про себя. Его мать работала над вышивкой, изредка пододвигая ко мне тосты или варенье. Сжимая всей пятернёй растрёпанную бороду, Мартын сверкнул на меня сбоку своими желтовато-коричневыми глазами и вдруг с ним что-то произошло. Он хлопнул ладонью по столу и повернулся к сыну”. Я не могу этого больше выдержать, Петя – Я скажу ему всё пока меня не разорвало”. Петя тихо кивнул. Жена Мартына встала, собираясь идти на кухню. “Что вы за болтун”, сказала она, снисходительно качая головой. Мартын положил руку мне на плечо тряхнул меня так, что будь я яблоней в саду, то яблоки с меня буквально осыпались бы, и взглянул мне в лицо. “Я предупреждаю вас”, сказал он. “Я собираюсь сообщить вам такую тайну, такую тайну ... что я просто не знаю. Напоминаю – никому ни слова! Понимаете?”

Пригнувшись поближе и погрузив меня в аромат табака и его собственный острый запах пожилого человека, Мартын поведал мне действительно поразительную историю.

Это случилось, – начал Мартын, – вскоре после вашего отъезда”. Вошёл покупатель. Он, наверное, не заметил надпись в окне, поскольку обратился ко мне по-немецки. Подчеркну, если бы он увидел эту надпись, то просто не вошёл бы в скромный, эмигрантский магазин. По произношению я распознал в нем русского. Что ж, обслужу и русского простака. И я, конечно перейдя на русский, спрашиваю, что он желает, по какой цене. Недовольный этим сюрпризом он посмотрел на меня. “С чего вы взяли, что я русский”? Насколько помню, я дал ему вполне дружелюбный ответ и начал отсчитывать его папиросы. В этот момент вошёл Петя. Когда он увидел моего

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru клиента, то с чрезвычайным спокойствием сказал: “Какая приятная встреча”. Затем, мой Петя, подошёл к нему вплотную и ударил кулаком по щеке. Тот застыл. Как Петя объяснил мне позже, это был не простой нокаут, когда жертва падает, распластавшись на пол, а особенный вид нокаута. Этим ударом Петя обездвигил противника, тот отключился, продолжая стоять на ногах. Это выглядело, как если бы он заснул стоя. Затем он начал медленно заваливаться назад словно башня. Петя подбежал к нему и подхватил его под мышки. Всё это было в высшей степени неожиданно. Петя сказал: “Папа, помоги мне”. Я спросил, что он собирается делать. Он только повторил: “Помоги мне”. Я хорошо знаю моего Петю – бессмысленно ухмыляющегося Петю – и знаю, что он твёрдо стоит на земле, взвешивает свои поступки, и не будет бить человека ни за что ни про что. Мы перетаскивали находящегося в бессознательном состоянии человека, из магазина, через коридор, в Петину комнату. И сразу после этого я услышал звонок – кто-то вошёл в магазин. Слава богу, конечно, что это не случилось раньше. Возвратившись в магазин, я обслужил покупателя, а затем, очень кстати, вернулась с покупками моя жена, и я немедленно оставил её работать у прилавка, а сам без лишних слов проскочил в Петину комнату. Человек с закрытыми глазами лежал на полу, Петя сидел у стола, задумчиво исследуя лежащие перед ним предметы: большой кожаный портсигар, полдюжины непристойных открыток, бумажник, паспорт, старый, но очевидно действующий револьвер. Петя сразу всё объяснил: как я полагаю, вы догадываетесь, что эти вещи были извлечены из карманов мужчины и, что он был ни кто иной, как тот агент, – вы помните Петину историю, – который крепко выражался о “белогвардейской сволочи”, да, да, он самый! И, судя по некоторым документам, он был сотрудник ГПУ, если я в этом что-либо смыслю. “Ну, хорошо, – сказал я Пете, – ты заехал парню в морду”. “Заслужил он это или нет – это другой вопрос, но, пожалуйста, объясни мне, что ты намереваешься делать теперь?” Ты видимо забыл о твоей тёте в Москве. “Да, – сказал Петя, – мы должны что-нибудь придумать”.

И мы придумали. Первым делом связали его крепкой верёвкой, и заткнули рот полотенцем. Пока мы трудились над ним, он пришёл в себя, и открыл один глаз. При близком рассмотрении, позвольте вам сообщить, этот лопух оказался не только противен, но и довольно глуп, с какой то разновидностью чесотки на лбу, на луковичеобразном носу и под ним. Оставив его лежать на полу, Петя и я удобно расположились поблизости, и начали судебное разбирательство. Мы спорили довольно долго. Обеспокоены мы были не столько самим происшествием – что само по себе, конечно, было пустяком, – сколько профессией потерпевшего, если так можно выразится, и его делами, совершёнными в России. Обвиняемому было предоставлено последнее слово. Когда мы освободили его рот от полотенца, он издал некое подобие стога, но не сказал ничего кроме: “Ну, погодите. Вы только погодите ...” Полотенце было снова повязано и заседание продолжилось. Поначалу мнения разделились. Петя требовал смертного приговора. Я так же полагал, что он заслуживает смерти, но предложил заменить её пожизненным заключением. Петя обдумал это и согласился. Я добавил, что хотя он конечно и совершил преступления, но мы не можем это твёрдо установить, принадлежность же его к ГПУ сама по себе ещё не является преступлением, поэтому наши действия были ограничены сохранением его безопасности, ни чем более. Теперь слушайте дальше. “У нас в конце коридора есть ванная. Тёмная, очень тёмная маленькая комната, с эмалированной железной ванной. Вода бьёт довольно часто. Случаются там и тараканы. Комнатка такая мрачная потому, что окно чрезвычайно узкое и расположено прямо под потолком, а кроме того, прямо напротив окна, в трёх футах или меньше находится добротная, массивная кирпичная стена. И в этом укромном уголке мы решили содержать узника. Это была Петина идея – да, да, Петина, отдадим должное Цезарю. Прежде всего, камера, конечно, должна была быть приготовлена. В начале, мы перетаскивали заключённого в коридор, так чтобы он был поблизости, пока мы работали. Где моя жена, оказавшаяся просто запертой в магазине на ночь, по пути на кухню и увидела нас. Она была удивлена, даже возмущена, но затем согласилась с нашими доводами. Понятливая девочка. Петя начал разбирать крепкий стол, стоявший на кухне, – отбил у него ножки и получившейся в результате доской забил окно в ванной комнате. Затем он отвинтил краны, удалил цилиндрический водонагреватель и бросил на пол матрац. На следующий день мы добавили новые усовершенствования: заменили замок, установили намертво закрывающийся засов, укрепили доску на окне железом – и всё это, конечно, было сделано почти бесшумно. Как вы знаете, у нас нет ни каких соседей, но, несмотря на это, мы должны были действовать осторожно. В результате у нас получилась настоящая тюремная камера, где мы и поместили этого парня из ГПУ. Мы сняли с него верёвки, развязали полотенце, предупредив, что если он начнёт вопить, мы вынуждены будем спеленать его снова и уже надолго; затем,

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru удовлетворённые тем, что он понял, для кого в ванной комнате брошен матрас, мы заперли дверь, и поочередно стояли на страже всю ночь.

С этого момента для нас началась новая жизнь. Теперь я был не просто Мартын Мартыныч, а главный начальник тюрьмы Мартын Мартыныч. Поначалу сожитель был так ошеломлён случившимся, что поведение его было подавленным. Вскоре, однако, он вернулся в нормальное своё состояние, и когда мы приносили ему обед, обрушивал на нас ураган грязной брани. Я не могу повторить его ругательства, достаточно сказать, что он помещал мою покойную матушку в весьма курьёзные ситуации. Было решено полностью довести до него характер его нынешнего юридического статуса. Я объяснил ему, что он останется узником до конца своих дней; что если я умру первым, то передам его Пете, подобно наследству; что мой сын, в свою очередь передаст его моему будущему внуку и т. д., сделав его своеобразной семейной традицией. Фамильной драгоценностью. Мимоходом я упомянул, что даже в маловероятном случае необходимости нашего переезда на другую берлинскую квартиру, он будет связан, уложен в специальный сундук и проделает весь путь с нами наподобие пирога. Я объяснил ему, что только в одном случае ему будет дарована амнистия. А именно, это произойдёт в день, когда лопнет мыльный пузырь большевизма. Напоследок я пообещал, что кормить его будут лучше, чем в моё время, когда я сидел в ЧК, – и что, в качестве особой привилегии, он будет получать книги, и действительно, с этого дня я не думаю, чтобы он хоть раз пожаловался на еду. Правда, поначалу Петя предложил кормить его сушеной плотвой, но найти эту советскую рыбу в Берлине было невозможно. Мы обязались давать ему буржуазную пищу. Точно в восемь, каждое утро, Петя и я входили и ставили на его ванну миску горячего супа с мясом и клали кусок серого хлеба. Одновременно мы выносили его камерный горшок, изощёренный прибор, приобретённый специально для него.

В три он принимал стакан чаю, в семь – немного большую порцию супа. Этот режим питания был моделью того, который использовался в лучших европейских тюрьмах.

С книгами проблем было больше. В начале, мы держали семейный совет и остановились на трех названиях: “Князь Серебряный”, Басни Крылова и “Вокруг света за восемьдесят дней”. Он заявил, что не станет читать эти “Белогвардейские брошюры”, но мы оставили ему книги, и имеем все основания полагать, что он прочитал их с удовольствием.

Его настроение было изменчиво. Он стал тихим. Очевидно, что-то замышлял. Наверно он надеялся, что полиция начнёт искать его. Мы проверили все газеты, но там не было ни слова об исчезновении агента ЧК. Более вероятно другие “представители” решили, что он просто предатель и предпочли прикрыть это дело. К этому периоду задумчивости относится его попытка удрать, или, по меньшей мере, переправить на волю весть о себе. Он бродил по камере, возможно, дотянулся до окна, попытался заглянуть в щель между досками, принялся колотить по ним, но мы пригрозили ему и стук прекратился. А однажды, когда Петя вошел к нему один, мужчина ударил его. Петя схватил его в нежные медвежьи объятия и посадил назад в ванну. После этого происшествия он изменился, стал очень добродушным, даже шутил при случае и, наконец, попытался подкупить нас. Он предлагал нам невероятные суммы, обещая добыть их через кого-то. Когда это также не помогло, он принялся хныкать, затем вновь ругаться, ещё хуже, чем прежде. Сейчас он пребывает в стадии притворной покорности, которая, боюсь, не предвещает ничего хорошего.

Мы выводили его на ежедневную прогулку по коридору и дважды в неделю проветривали у открытого окна, естественно, мы соблюдали все необходимые меры предосторожности предохраняющие от его крика. В субботу он принимал ванну. Сами мы мылись на кухне. В воскресенье я читал ему короткие лекции и позволял выкурить три папиросы – в моём присутствии конечно. Что это были за лекции? О разного рода вещах. Пушкин, например, или древняя Греция. Только одна тема исключалась – политика. Он был совершенно испорчен политикой. Всё было так, как если бы подобных вещей просто не существовало на поверхности земли. И вы знаете? С того времени как я стал удерживать этого советского агента в заточении, с этого времени я служу Отчеству, я стал просто другим человеком. Весёлым и счастливым. И торговля оживилась, так что содержать его так же не было большой проблемой. Он стоил мне двадцать марок в месяц или около того, учитывая и плату за электричество: у него там совершенно темно, поэтому с 8 утра до 8 вечера горит одна слабая лампочка.

Вы спросите, из какой он среды? Ну, как я понял ... Ему двадцать четыре года, он

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru крестьянин, к сожалению он остановился на уровне сельской школы, он был, что называется "честный коммунист" и изучал только политическую литературу, которая в наших книгах представлена как попытка делать дебилов из крепкоголовых - это и всё, что я знаю. Да, если хотите, я покажу его вам, только помните, это секрет.

Мартын вышел в коридор. Петя и я последовали за ним. Пожилой человек в удобном домашнем жакете, он и впрямь смотрелся как тюремный надзиратель. Пока шел, он достал ключ, и было что-то профессиональное в том, как он вставил его в замок. Замок дважды скрипнул, и Мартын быстро открыл дверь. Далёкая от представлявшейся прежде слабо освещённой норой, это была роскошная, просторная ванная, того типа, который каждый может найти в удобном немецком жилище. Электрический свет, сияющий достаточно приятно для глаз, горел за весёлым, декоративным абажуром, на стене с левой стороны блестело зеркало. На ночном столике рядом с ванной лежали книги, очищенный апельсин на глянцевитой тарелке и нетронутая бутылка пива. В белой ванне, на матрасе, покрытом чистой простыней, с большой подушкой под головой лежал упитанный светлоглазый парень с длинной бородой в купальной пижаме (досталась мне от хозяина) и в тёплых мягких шлёпанцах. "Ну, что вы скажете?" Спросил меня Мартын. Я нашёл эту сцену комичной и не знал что ответить. Здесь было окно. Мартын показал пальцем. Окно было совершенно заколочено досками.

Заклоченный зевнул и отвернулся к стене. Мы вышли. Мартын ласкал задвижку с улыбкой. "Ни малейшего шанса, что он когда-нибудь убежит", сказал он, и затем задумчиво добавил, "Всё-таки, мне было бы интересно узнать, сколько же лет он проведёт здесь ..."

RUSSIAN SPOKEN HERE
© Copyright 1923 by Vladimir Nabokov

© Copyright by Dmitry Nabokov, english translation

Martin martinich's tobacco shop is located in a corner building. No wonder tobacco shops have a predilection for corners, for Martin's business is booming. The window is of modest size, but well arranged. Small mirrors make the display come alive. At the bottom, amid the hollows of hilly azure velvet, nestles a motley of cigarette boxes with names couched in the glossy international dialect that serves for hotel names as well; higher up, rows of cigars grin in their lightweight boxes.

In his day Martin was a well-off landowner. He is famed in my childhood recollections for a remarkable tractor, while his son Petya and I succumbed simultaneously to Meyn Ried and scarlet fever, so that now, after fifteen years chock-full of all kinds of things, I enjoyed stopping by the tobacco shop on that lively corner where Martin sold

his wares.

Since last year, moreover, we have more than reminiscences in common. Martin has a secret, and I have been made party to that secret. "So, everything as usual?" I ask in a whisper, and he, glancing over his shoulder, replies just as softly, "Yes, thank heaven, all is quiet." The secret is a quite extraordinary one. I recall how I was leaving for Paris and stayed at Martin's till evening the day before. A man's soul can be compared to a department store and his eyes to twin display windows. Judging by Martin's eyes, warm, brown tints were in fashion. Judging by those eyes, the merchandise inside his soul was of superb quality. And what a luxuriant beard, fairly glistening with robust Russian gray. And his shoulders, his stature, his mien. ... At one time they used to say he could slit a handkerchief with a sword-one of the exploits of Richard Coeur de Lion. Now a fellow emigre would say with envy, "The man did not give in!"

His wife was a puffy, gentle old woman with a mole by her left nostril. Ever since the time of revolutionary ordeals her face had had a touching tic: she would give quick sidewise glances skyward. Petya had the same imposing physique as his father. I was fond of his mild-mannered glumness and unexpected humor. He had a large, flaccid face (about which his father used to say, "what a mug-three days would not suffice to circumnavigate it") and reddish-brown, permanently tousled hair. Petya owned a tiny cinema in a sparsely populated part of town, which brought a very modest income. And there we have the whole family.

I spent that day before my departure sitting by the counter and watching Martin receive his customers—first he would lean lightly, with two fingers, on the countertop, then step to the shelves, produce a box with a flourish, and ask, as he opened it with his thumbnail, "Einen Rauchen?"—I remember that day for a special reason: Petya suddenly came in from the street, disheveled and livid with rage. Martin's niece had decided to return to her mother in Moscow, and Petya had just been to see the diplomatic representatives. While one of the representatives was giving him some information, another, who was obviously involved with the government political directorate, whispered barely audibly, "All kinds of white Guard scum keep hanging around."

"I could have made mincemeat of him," said Petya, slamming his fist into his palm, "but unfortunately I could not forget about my aunt in Moscow."

"You already have a peccadillo or two on your conscience," good-naturedly rumbled Martin. He was alluding to a most amusing incident. Not long ago, on his nameday, Petya had visited the Soviet bookstore, whose presence blemishes one of Berlin's most charming streets. They sell not only books there, but also various handmade bric-a-brac. Petya selected a hammer adorned with poppies and emblazoned with an inscription typical for a Bolshevik hammer. The clerk inquired if he would like something else. Petya said, "Yes, I would," nodding at a small plaster bust of Mister Ulyanov.* [Lenin's real name. -D.N.] He paid fifteen marks for bust and hammer, whereupon, without a word, right there on the counter, he popped that bust with that hammer, and with such force that Mister Ulyanov disintegrated.

I was fond of that story, just as I was fond, for instance, of the dear silly sayings from unforgettable childhood that warm the cockles of one's heart. Martin's words made me glance with a laugh at Petya. But Petya jerked his shoulder sullenly and scowled. Martin rummaged in the drawer and proffered him the most expensive cigarette in the shop. But even this did not dispel Petya's gloom.

I returned to Berlin a half-year later. One Sunday morning I felt an urge to see Martin. On weekdays you could get through via the shop, since his apartment—three rooms and kitchen—was directly behind it. But of course on a Sunday morning the shop was closed, and the window had shut its grated visor. I glanced rapidly through the grating at the red and gold boxes, at the swarthy cigars, at the modest inscription in a corner: "Russian spoken here," remarked that the display had in some way grown even gayer, and walked through the courtyard to Martin's place. Strange thing—Martin himself appeared to me even jollier, jauntier, more radiant than before. And Petya was downright unrecognizable: his oily, shaggy locks were combed back, a broad, vaguely bashful smile did not leave his lips, he kept a kind of sated silence, and a curious, joyous preoccupation, as if he carried a precious cargo within him, softened his every movement. Only the mother was pale as ever, and the same touching tic flashed across her face like faint summer lightning. We sat in their neat parlor, and I knew that the other two rooms—Petya's bedroom and that of his parents—were just as cozy and clean, and I found that an agreeable thought. I sipped tea with lemon, listened to Martin's mellifluous speech, and I could not rid myself of the impression that something new had appeared in their apartment, some kind of joyous, mysterious palpitation, as happens, for instance, in a home where there is a young mother-to-be. Once or twice Martin glanced with a preoccupied air at his son, whereupon the other would promptly rise, leave the room, and, on his return, nod discreetly toward his father, as if to say everything was going splendidly.

There was also something new and, to me, enigmatic in the old man's conversation. We were talking about Paris and the French, and suddenly he inquired, "Tell me, my friend, what's the largest prison in Paris!" I replied I didn't know and started telling him about a French revue that featured blue-painted women.

"You think that's something!" interrupted Martin. "They say, for example, that women scratch the plaster off the walls in prison and use it to powder their faces, necks, or whatever." In confirmation of his words he fetched from his bedroom a thick tome by a German crim-inologist and located in it a chapter

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru about the routine of prison life. I tried changing the subject, but, no matter what theme I selected, Martin steered it with artful convolutions so that suddenly we would find ourselves discussing the humaneness of life imprisonment as opposed to execution, or the ingenious methods invented by criminals to break out into the free world.

I was puzzled. Petya, who loved anything mechanical, was picking with a penknife at the springs of his watch and chuckling to himself. His mother worked at her needlepoint, now and then nudging the toast or the jam toward me. Martin, clutching his disheveled beard with all five fingers, gave me a sidelong flash of his tawny eye, and suddenly something within him let go. He banged the palm of his hand on the table and turned to his son. "I can't stand it any longer, Petya-I'm going to tell him everything before I burst." Petya nodded silently. Martin's wife was getting up to go to the kitchen. "What a chatterbox you are," she said, shaking her head indulgently. Martin placed his hand on my shoulder, gave me such a shake that, had I been an apple tree in the garden, the apples would literally have come tumbling off me, and glanced into my face. "I'm warning you," he said. "I'm about to tell you such a secret, such a secret . . . that I just don't know. Mind you-mum's the word! Understand?"

And, leaning close to me, bathing me in the odor of tobacco and his own pungent old-man smell, Martin told me a truly remarkable tale. [In this narrative, all traits and distinguishing marks that might hint at the identity of the real Martin are of course deliberately distorted. I mention this so that curiosity seekers will not search in vain for the "tobacco shop in the corner building." -V.N.]

"It happened," began Martin, "shortly after your departure. In walked a customer. He had obviously not noticed the sign in the window, for he addressed me in German. Let me emphasize this: if he had noticed the sign he would not have entered a modest emigre shop. I recognized him right off as a Russian by his pronunciation. Had a Russian mug too. I, of course, launched into Russian, asked him what price range, what kind. He gave me a look of disagreeable surprise: 'what made you think I was Russian?' I gave him a perfectly friendly answer, as I recall, and began counting out his cigarettes. At that moment Petya entered. When he saw my customer he said with utter calm, 'Now here's a pleasant encounter.' Then my Petya walks up close to him and bangs him on the cheek with his fist. The other froze. As Petya explained to me later, what had happened was not just a knockout with the victim crumpling to the floor, but a special kind of knockout: it turns out Petya had delivered a delayed-action punch, and the man went out on his feet. And looked as if he were sleeping standing up. Then he started slowly tilting back like a tower. Here Petya walked around behind him and caught him under the armpits. It was all highly unexpected. Petya said, 'Give me a hand, Dad.' I asked what he thought he was doing. Petya only repeated, 'Give me a hand.' I know my Petya well-no point in smirking, Petya-and know he has his feet on the ground, ponders his actions, and does not knock people unconscious for nothing. We dragged the unconscious one from the shop into the corridor and on to Petya's room. Right then I heard a ring- someone had stepped into the shop. Good thing, of course, that it hadn't happened earlier. Back into the shop I went, made my sale, then, luckily, my wife arrived with the shopping, and I immediately put her to work at the counter while I, without a word, went lickety-split into Petya's room. The man was lying with eyes closed on the floor, while Petya was sitting at his table, examining in a pensive kind of way certain objects like that large leather cigar case, half a dozen obscene postcards, a wallet, a passport, an old but apparently efficient revolver. He explained right away: as I'm sure you have imagined, these items came from the man's pockets, and the man himself was none other than the representative-you remember Petya's story-who made the crack about the white scum, yes, yes, the very same one! And, judging by certain papers, he was a GPU man if I ever saw one. 'Well and good,' I say to Petya, 'so you've punched a guy in the mug. Whether he deserved it or not is a different matter, but please explain to me, what do you intend to do now? Evidently you forgot all about your aunt in Moscow.' 'Yes, I did,' said Petya. 'We must think of something.'

"And we did. First we got hold of some stout rope, and plugged his mouth with a towel. While we were working on him he came to and opened one eye. Upon closer examination, let me tell you, the mug turned out to be not only repulsive but stupid as well-some kind of mangle on his forehead, mustache, bulbous nose.

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Leaving him lying on the floor, Petya and I settled down comfortably nearby and started a judicial inquiry. We debated for a good while. We were concerned not so much with the affront itself-that was a trifle, of course-as much as with his entire profession, so to speak, and with the deeds he had committed in Russia. The defendant was allowed to have the last word. When we relieved his mouth of the towel, he gave a kind of moan, gagged, but said nothing except 'You wait, you just wait. . . .' The towel was retied, and the session resumed. The votes were split at first. Petya demanded the death sentence. I found that he deserved to die, but proposed substituting life imprisonment for execution. Petya thought it over and concurred. I added that although he had certainly committed crimes, we were unable to ascertain this; that his employment in itself alone constituted a crime; that our duty was limited to rendering him harmless, nothing more. Now listen to the rest.

"We have a bathroom at the end of the corridor. Dark, very dark little room, with an enameled iron bathtub. The water goes on strike pretty often. There is an occasional cockroach. The room is so dark because the window is extremely narrow and is situated right under the ceiling, and besides, right opposite the window, three feet away or less, there's a good, solid brick wall. And it was here in this nook that we decided to keep the prisoner. It was Petya's idea-yes, yes, Petya, give Caesar his due. First of all, of course, the cell had to be prepared. We began by dragging the prisoner into the corridor so he would be close by while we worked. And here my wife, who had just locked up the shop for the night and was on her way to the kitchen, saw us. She was amazed, even indignant, but then understood our reasoning. Docile girl. Petya began by dismembering a stout table we had in the kitchen-knocked off its legs and used the resulting board to hammer shut the bathroom window. Then he unscrewed the taps, removed the cylindrical water heater, and laid a mattress on the bathroom floor. Of course next day we added various improvements: we changed the lock, installed a deadbolt, reinforced the window board with metal-and all of it, of course, without making too much noise. As you know, we have no neighbors, but nonetheless it behooved us to act cautiously. The result was a real prison cell, and there we put the GPU chap. We undid the rope, untied the towel, warned him that if he started yelling we would reswaddle him, and for a long time; then, satisfied that he had understood for whom the mattress had been placed in the bathtub, we locked the door and, taking turns, stood guard all night.

"That moment marked the beginning of a new life for us. I was no longer simply Martin Martinich, but Martin Martinich the head warden. At first the inmate was so stunned by what had happened that his behavior was subdued. Soon, however, he reverted to a normal state and, when we brought his dinner, launched into a hurricane of foul language. I cannot repeat the man's obscenities; I shall limit myself to saying that he placed my dear late mother in the most curious situations. It was decided to inculcate in him thoroughly the nature of his legal status. I explained that he would remain imprisoned until the end of his days; that if I died first I would transmit him to Petya like a bequest; that my son in his turn would transmit him to my future grandson and so forth, causing him to become a kind of family tradition. A family jewel. I mentioned in passing that, in the unlikely eventuality of our having to move to a different Berlin flat, he would be tied up, placed in a special trunk, and would make the move with us easy as pie. I went on to explain to him that in one case only would he be granted amnesty. Namely, he would be released the day the Bolsheviki bubble burst. Finally I promised that he would be well fed-far better than when, in my time, I had been locked up by the Cheka-and that, by way of special privilege, he would receive books. And in fact, to this day I don't believe he has once complained about the food. True, at first Petya proposed that he be fed dried roach, but search as he might, that Soviet fish was unavailable in Berlin. We are obliged to give him bourgeois food. Exactly at eight every morning Petya and I go in and place by his tub a bowl of hot soup with meat and a loaf of gray bread. At the same time we take out the chamber pot, a clever apparatus we acquired just for him. At three he gets a glass of tea, at seven some more soup. This nutritional system is modeled on the one in use in the best European jails.

"The books were more of a problem. We held a family council for starters, and stopped at three titles: Prince Serebryaniy, Krylov's Fables, and Around the World in Eighty Days. He announced that he would not read those 'White Guard pamphlets,' but we left him the books, and we have every reason to believe that he read them with pleasure.

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

"His mood was changeable. He grew quiet. Evidently he was cooking up something. Maybe he hoped the police would start looking for him. We checked the papers, but there was not a word about the vanished Cheka agent. Most likely the other representatives had decided the man had simply defected, and had preferred to bury the affair. To this pensive period belongs his attempt to slip away, or at least to get word to the outside world. He trudged about his cell, probably reached for the window, tried to pry the planks loose, tried pounding, but we made some threat or other and the pounding ceased. And once, when Petya went in there alone, the man lunged at him. Petya grabbed him in a gentle bear hug and sat him back in the tub. After this occurrence he underwent another change, became very good-natured, even joked on occasion, and finally attempted to bribe us. He offered us an enormous sum, promising to obtain it through somebody. When this did not help either, he started whimpering, then went back to swearing worse than before. At the moment he is at a stage of grim submissiveness, which, I'm afraid, bodes no good.

"We take him for a daily walk in the corridor, and twice a week we air him out by an open window; naturally we take all necessary precautions to prevent him from yelling. On Saturdays he takes a bath. We ourselves have to wash in the kitchen. On Sundays I give him short lectures and let him smoke three cigarettes—in my presence, of course. What are these lectures about? All sorts of things. Pushkin, for instance, or Ancient Greece. Only one subject is omitted—politics. He is totally deprived of politics. Just as if such a thing did not exist on the face of the earth. And you know what? Ever since I have kept one so—

viet agent locked up, ever since I have served the Fatherland, I am simply a different man. Jaunty and happy. And business has looked up, so there is no great problem supporting him either. He costs me twenty marks or so a month, counting the electric bill: it's completely dark in there, so from eight a.m. to eight p.m. one weak lightbulb is left on.

"You ask, what milieu is he from? well, how shall I put it. ... He is twenty-four years old, he is a peasant, it is unlikely that he finished even a village school, he was what is called 'an honest Communist,' studied only political literacy, which in our book signifies trying to make blockheads out of knuckleheads—that's all I know. Oh, if you want I'll show him to you, only remember, mum's the word!"

Martin went into the corridor. Petya and I followed. The old man in his cozy house jacket really did look like a prison warden. He produced the key as he walked, and there was something almost professional in the way he inserted it in the lock. The lock crunched twice, and Martin threw open the door. Far from being some ill-lit hole, it was a splendid, spacious bathroom, of the kind one finds in comfortable German dwellings. Electric light, bright yet pleasing to the eye, burned behind a merry, ornate shade. A mirror glistened on the left-hand wall. On the night table by the bathtub there were books, a peeled orange on a lustrous plate, and an untouched bottle of beer. In the white bathtub, on a mattress covered with a clean sheet, with a large pillow under the back of his head, lay a well-fed, bright-eyed fellow with a long growth of beard, in a bathrobe (a hand-me-down from the master) and warm, soft slippers.

"Well, what do you say?" Martin asked me.

I found the scene comical and did not know what to answer. "That's where the window used to be," Martin indicated with his finger. Sure enough, the window was boarded up to perfection.

The prisoner yawned and turned toward the wall. We went out. Martin fondled the bolt with a smile. "Fat chance he'll ever escape," he said, and then added pensively, "I would be curious to know, though, just how many years he'll spend in there. ..."

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Здесь говорят по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!